Сногсшибательная женщина

Автор:
Елена Богатырёва

Сногсшибательная женщина

Елена Богатырева

Из серии «сказок о любви для взрослых девочек». Для тех, кому не очень уютно в этом мире, но кто хотел бы остаться собой.

Сногсшибательная женщина

Елена Богатырева

© Елена Богатырева, 2020

ISBN 978-5-4485-3357-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сайт автора http://elenabogatyreva.ru/

1

Когда ровно в девять часов утра я добралась до своего кабинета и упала в кресло, – это было наконец. Наконец я могу посидеть спокойно и подумать о своей горемычной жизни. Или наконец могу просто ни о чем не думать.

В восемь мне позвонил Клим. Он решил проверить, действительно ли я собираюсь тащиться в такое чудесное воскресное утро на службу.

– Не передумала? – спросил он после паузы, дав мне время узнать его спросонья и вспомнить, что он хотел провести этот день со мной.

– Нет, – сказала я. – Иначе меня уволят.

– А для тебя это так важно? – Клим задал вопрос в вопросе, чтобы я вспомнила о предложении стать домохозяйкой на правах жены в его большой неуютной квартире на Фонтанке.

– Наверно, да, – сказала я.

Он помолчал, а потом все-таки высказался:

– Прозаическая ты женщина, Сима. Нет в тебе никакой романтики. Ладно, – тут в его голосе промелькнули нотки злости и обиды, – кукуй со своими собачками.

Я еще немного послушала короткие гудки в трубке и осторожно, словно она могла меня покусать, положила ее на место. Потом за пять минут собралась и пулей вылетела из дома, потому что добираться мне нужно было на другой конец города. В автобусе, несмотря на выходной, была страшная давка. Полусонные дачники выезжали на свои плантации с крупногабаритными рюкзаками и озабоченным видом.

Когда я потянула ручку двери на себя, Верка, дежурившая ночью, взяла разгон из кабинета и пулей пронеслась мимо меня, бросив на ходу:

– Привет-пока-чё так поздно…

Она торопилась: до ее дома было метров сто, но там после ночной смены ее поджидал очень ревнивый муж с секундомером. Думаю, сегодня Верка побила мировой рекорд по бегу. Мужу ее почему-то казалось, что самое страшное может случиться именно под утро. По ночам он имел привычку звонить ей время от времени и задавать неожиданные вопросы, а потом, затаив дыхание, вслушиваться в ответы. Он считал, что если она правильно отвечает, где лежит новый кусок мыла, как оно называется и в каком магазине она его купила, то Верка всю ночь думает исключительно о семье. Но она за полгода так поднаторела в этой викторине, что любые ответы выдавала без запинки, сидя на коленях у какого-нибудь симпатичного собачника и даже будучи с ним в более тесном контакте.

Когда поток воздуха, устремившийся за Веркой, разбился о захлопнувшуюся за ней дверь, я повалилась в кресло. Значит, вот я кто, – прозаическая женщина. И зовут меня Сима, и по профессии я ветеринарная медсестра. Проза. Правда, не думаю, что имя Клим преисполнено высокой романтики и торговать тем, чем он там торгует, гораздо интереснее, чем помогать бедным животным. И еще я не уверена, что мытье полов в шести комнатах его новой квартиры – занятие исключительно романтическое. Даже если делать это не снимая обручального кольца с большим безвкусным бриллиантом, которое он мне непременно преподнесет, как только я скажу «да».

Верка считает меня дурой набитой. Когда я снимаю телефонную трубку и говорю уныло «Здравствуй, Клим», она сразу втягивает живот и выставляет грудь вперед, задевая при этом что-нибудь из мебели. Хотя у нас не видеотелефон и он вряд ли может оценить эти ее преображения. Она видела Клима только один раз, но его «ауди», галстук и зеленые носки в крапинку произвели на нее неизгладимое впечатление. Она знает, что Клим сделал мне предложение, и считает меня полной идиоткой, потому что я на это предложение не смогла достойно ответить – так, промямлила какую-то ерунду. Ну а как я могла отвечать, когда внутри у меня тут же мяукнуло: «Не-а…»

Вот Верку бы ему в жены! Вот была бы идиллия! Она бы навела там дворцовый блеск и забила бы все горки хрусталем. Помню, когда мы с ней еще учились в техникуме, нас повезли на экскурсию в Павловск. Экскурсия была неинтересная: похоже, экскурсовод искренне ненавидела посетителей и намеренно им ничего любопытного не рассказывала. Но я ее понимаю. Кому не надоест водить по залам исторического дворца стада остолопов и ежесекундно слышать их шепот: «Какая штучка! Вот бы нам домой такую!»

Поэтому она и вела экскурсию, словно по магазину стройтоваров: «В этом сервизе больше тысячи предметов, здесь стены обиты бархатом, а этот паркет – из пяти видов дерева».

Верка исписала на этой экскурсии две записные книжки и один блокнот. Она потихоньку трогала портьеры и жмурилась, пытаясь запомнить материал на ощупь, чтобы потом подобрать такой же в магазине «Ткани». Она даже немного рисовала и просила меня «подержать в памяти» несколько цифр, пока строчила сложный рецепт росписи потолка по мокрой штукатурке. Теперь ее квартира напоминала сразу все питерские дворцы. Обеденный стол был из прозрачного стекла, и рядом со своей тарелкой каждый мог лицезреть собственные тапочки. Низкий потолок украшали рисованные херувимчики в облаках. Стулья и диван были обиты гобеленами, и детям категорически запрещалось подходить к ним на пушечный выстрел. Сидеть в этом доме разрешалось только на кухонных табуретках.

– А зачем в комнате сидеть? – удивлялась Верка. – Ты, Сима, посмотри на себя, нет, нет, посмотри, – тянула она меня к своему старинному оплывшему зеркалу в начищенной до блеска латунной витой раме. – Посмотри, к чему приводит сидячий образ жизни!

Зеркало на Веркиной стене списали еще, пожалуй, сто лет назад. Сейчас оно могло бы хорошо послужить в комнате смеха, но Верка утверждала, что однажды оттуда ей подмигнула сама королева Елизавета.

– Английская?

– Наша!

– А как ты ее узнала?

– Ты на себя смотри! – кричала Верка, но себя я не узнавала.

– А что такое?

– У тебя же складки на боках, вес лишний. А щеки – видишь?

Я не могла точно определить, где у меня в этом зеркале щеки, но на всякий случай сказала:

– Ага.

– А щеки наоборот – вваливаются.

– Куда? – испугалась я.

– Сима! Тебе нужно поменьше есть, а щеки носить немножко надутыми. Сейчас в светских кругах…

Ах, как грустно, что в нашей стране отменили в свое время дворянство! Теперь каждый кому не лень утверждает, что он дворянского происхождения. Я, собственно, не против, только вот не пойму, если дворяне составляли всего один процент населения, как же случилось, что теперь девяносто девять процентов считают себя их потомками?

Верка культивировала в себе светскую даму. И то, что она работала в обыкновенной ветеринарной клинике, нисколько ее не смущало. Расхаживая по магазинам, она презрительно щурилась на других покупателей с высоты своего происхождения и всем видом давала понять, что покупает ту же редиску исключительно потому, что в семнадцатом году ее предок, к сожалению, промахнулся, целясь в ораву их босоногих дедушек.

С Верой мы познакомились в первый день обучения, оказавшись за одной «партой». Она тут же подавила меня своей информированностью обо всем на свете, особенно о том, что нужно делать, а чего ни в коем случае нельзя, что глупо, а что необыкновенно умно. С тех пор все глупости она спокойненько списывает на мой счет и блистает умом на этом жалком фоне.

Иногда, пытаясь в отсутствие Веры рассуждать здраво, я понимаю, что она меня поработила. Ей никогда не приходит в голову спросить меня, насколько я занята, когда, набрав мой номер телефона, она извещает:

– Сим, в шесть ты у меня.

Но больше всего меня раздражает то, что я с тоской, но все-таки выключаю любимый фильм на самом интересном месте и действительно плетусь к ней на другой конец города. Я по ее просьбе частенько вру ее мужу, что мы с Верой три часа просидели у зубного, когда она ездит с каким-нибудь очередным любителем болонок к нему на чашечку кофе. Я молчу, когда начальник возмущается моей грубостью по телефону с клиентами, хотя прекрасно понимаю, что это Верка, нахамив кому-то, назвалась моим именем. Она дважды уводила молодых людей, с которыми у меня складывались приятные отношения. А я потом ее утешала, когда один из них успел бросить ее на день раньше, чем то же самое собиралась сделать она.

Даже не знаю, что меня держит рядом с ней. Наверно, просто некуда от нее деться. Точно. И от Клима мне тоже некуда деться. Он приезжает за мной, возит по ресторанам, водит в кино, в театры. А я не могу, открыв ему дверь, сказать: «Знаешь, мне что-то не хочется…» Вот если бы он предварительно позвонил по телефону, я бы именно так и сказала. Но он приезжает с букетами гвоздик, которые я, надо сказать, терпеть не могу, и говорит:

– Я жду тебя в машине – одевайся.

Я одеваюсь и еду с ним ритмично двигать челюстями в какую-нибудь «Асторию». Он, вероятно, считает, что совместное пережевывание пищи как-то само по себе сближает людей, поэтому рестораны мы с ним посещаем гораздо чаще, чем иные места. Но это даже и лучше. Потому что в театре он непременно кладет мне руку на колено, и душа моя как-то сразу лишается крыльев, а действие на сцене теряет смысл, потому что Клим ритмично поглаживает мою бедную коленку.

Однажды я не открыла ему дверь. Он подождал немного и ушел. Мне тогда показалось, что жизнь – это не сплошная тягомотина, что есть в ней и кое-что приятное, но не успела я как следует этим приятным насладиться, как он уже снова стоял на пороге:

– Одевайся, я жду тебя в машине!

Все это было ужасно. Но, почувствовав, что Клим теперь собирается и вовсе прибрать меня к рукам, заперев в своей квартире, я решила, что лучше смерть. Поэтому и пошла в воскресенье на работу, вместо того, чтобы отпроситься,

встретиться с ним и обсуждать детали моего грядущего заточения. Я чувствовала, что мне не удастся отвертеться от этого замужества, но хотелось еще немного подышать воздухом свободы, пусть даже такой относительной.

И вот я сижу в воскресенье на работе и дышу почти полной грудью. Может быть, в последний раз. И думаю о том, что я – прозаическая женщина. И, между прочим, плакать мне от этого совсем не хочется. Нет, на самом деле я пытаюсь отыскать в себе хоть что-нибудь не прозаическое. Но никак не получается. Телефон, кстати, трезвонит уже минут пять, надо бы снять трубку.

– Ветслужба.

– Здравствуйте, вас беспокоит Андрей Левшинов.

(«А я тогда – Вупи Голдберг!» Терпеть не могу розыгрышей.)

– У вас есть… – и он назвал два довольно редких препарата.

– Да.

Препараты у нас действительно были.

– Тогда возьмите их и приезжайте, – он начал диктовать адрес.

Адрес я записала и пообещала быть с минуты на минуту.

Честно говоря, выезды на дом в нашей лечебнице не предполагались. Но, услышав имя Левшинова, я вдруг вспомнила, что во мне есть одно романтическое свойство. Мне нравится смотреть на звезды, и я верю в астрологию! Я взяла лекарства и стала собираться. Ехать нужно было всего две остановки, а чего не сделаешь ради человека, который помог мне понять, что Клим все-таки в чем-то не прав. Включив автоответчик с сообщением, что дежурная сестра вернется через полчаса, я закрыла контору и направилась в сторону остановки.

2

Мне пришлось позвонить несколько раз, прежде чем меня услышали. Дверь открыл действительно Левшинов, и я замерла на пороге. Так это не розыгрыш? У него явно не было времени долго меня разглядывать, и, поздоровавшись, он махнул мне рукой в направлении комнаты. На диване лежал здоровенный рыжий кот и жалобно мяукал.

– Вот он, бедолага, – сообщил хозяин, нервно посматривая на противоположную дверь.

– У него…

Я произнесла длинное название по-латыни, решив блеснуть своими профессиональными знаниями.

– Почти, – усмехнулся хозяин и произнес то же название, исправив несколько букв.

Я покраснела, а он нетерпеливо спросил:

– Знаете, что нужно делать?

– Да.

– Тогда действуйте, – и скрылся в соседней комнате.

В наступившей тишине разносился нежный перезвон невидимых бубенцов. Я огляделась, но ничего не обнаружила. Кот внимательно проследил траекторию моего взгляда, осмотрел потолок более тщательно, чем я, и, вытаращив на меня зеленые глаза, заорал благим матом. Очевидно, ему показалось, что я занимаюсь совсем не тем, для чего меня сюда пригласили. Одной рукой поглаживая кота, я нашарила в сумочке шприц и лекарства. Нужно было сделать два укола и заставить бедного зверька проглотить таблетку.

Первый укол дался нам легко. Однако после него кот вскочил и сделался в два раза больше, потому что шерсть его встала торчком. Пришлось поговорить с ним минут десять, чтобы он хотя бы вполовину уменьшился, а потом ласково и осторожно подкрадываться, держа шприц за спиной.

Когда я все-таки сделала ему второй укол, кот шарахнулся от меня к противоположной стене, превратившись в пушистый шар, и уставился с таким возмущением, словно пытался сказать: «Что же это ты делаешь-то?» Я снова попробовала поговорить с котом о разных вещах, которые могли бы показаться ему интересными, и одновременно подкрадывалась к нему сбоку. Кот смотрел на меня, шалея от ужаса, и пятился, как только я совершала малейшее движение в его сторону.

Тогда я решила не притворяться больше, а просто и понятно объяснила коту, что нам осталось только проглотить малюсенькую финскую таблеточку, которая к тому же пахнет рыбой, как сообщалось на упаковке, после чего я уберусь восвояси, а он сможет по-прежнему лежать на диване, причем болеть у него ничего уже не будет. Кот выслушал меня с пониманием и, казалось, оценив мою искренность, был согласен попробовать рыбную таблетку. Однако, как только я поднесла ладонь к его мордочке, он зашипел и бросился к двери, за которой недавно скрылся его хозяин. Дверь распахнулась, кот пропал в глубине комнаты.

– Кот убежал, – жалобно сказала я, надеясь, что хозяин где-то поблизости.

Но мне никто не ответил.

– Кс-кс-кс, – позвала я.

И снова – тишина.

Тишина выплеснулась из соседней комнаты и поглотила все звуки, вплоть до тиканья часов на стене. Затем из соседней комнаты стала наплывать темнота. Сначала я решила, что свет отключили. Но лампы продолжали светить под потолком, а темнота все-таки заполняла комнату. В конце концов вокруг меня стало совсем темно. Стол, диван, на котором раньше лежал кот, стены – все пропало куда-то. На минуточку мне показалось, что я вишу в воздухе. Чтобы избавиться от этого наваждения, я подняла одну ногу, а потом попыталась поставить ее на место. Но не тут-то было. Под ногой не оказалось опоры.

Никакого тебе пола. Под ногой была пропасть. Выходило, что я стою в открытом пространстве, одной ногой на очень сомнительной опоре, размером с мою подошву. Тут в кромешной темноте замерцали зеленые искры, очень напоминающие кошачьи глаза, а потом мимо проплыл человек в светящемся плаще, сверкнув в мою сторону взглядом. Я тихо сказала «мамочки» и зажмурилась, а когда открыла глаза, все было по-прежнему: стол и диван снова занимали положенные им места, а передо мной, около открытой двери в соседнюю комнату, стоял хозяин и протягивал мне кота, который рассерженно облизывал лапу.

– Вот он, – сказал Левшинов, – нашелся.

Я молниеносным движением запихнула таблетку коту в глотку, он посмотрел на меня крайне удивленно, но вынужден был сделать глотательное движение. Все. Моя миссия окончена, и я быстро направилась в коридор, забыв даже попрощаться. Левшинов вышел следом за мной, держа в руках мою сумочку, и озабоченно заглянул мне в лицо.

– Не пугайтесь, – попросил он. – Вы случайно стали свидетелем эксперимента. Знаете, время и пространство – это забавные штучки. Так и тянет временами что-нибудь с ними проделать.

– Угу, – сказала я, еще толком не оправившись от шока.

Мне все казалось, что пол в этом доме может плавно уйти из-под ног в любой самый неподходящий момент.

На пороге я протянула ему квитанцию, а он мне деньги. Я замотала головой:

– Это много.

– Но вы ведь столько страха натерпелись, – улыбнулся он. – Могу я что-нибудь для вас сделать?

– А может быть… – начала я и замолчала.

В голове моей мелькнула шальная мысль.

А что, если попросить его составить мой гороскоп? Ну чтобы не уходить от такого человека с пустыми руками. И чтобы Клим раз и навсегда перестал говорить, что я – прозаическая. И чтобы посмотреть, выйду я за него замуж, или мне все-таки удастся каким-то чудом избежать этой горькой участи. А может быть, в гороскопе даже будет сказано – как избежать…

– Гороскоп? – спросил Левшинов, кисло улыбаясь.

К нему, наверно, днем и ночью обращаются с такими просьбами.

– Ага.

Он посмотрел на часы.

– Вообще-то у меня почти нет времени, – признался он и посмотрел на меня.

На моем лице отразилось все отчаяние борьбы с Климом за собственную независимость, и он, вероятно, почувствовал, что для меня гороскоп этот исключительно важен.

– Ну, хорошо, – согласился он. – Давайте попробуем, – и пригласил в свой кабинет.

На столе стоял включенный компьютер. Знаменитый астролог поинтересовался датой и временем моего рождения, задал еще несколько вопросов и ввел все эти данные в программу. Умная машина загудела, заурчала, и через несколько минут принтер уже выплевывал бумагу с разными непонятными значками.

Левшинов склонился над гороскопом, потом обернулся и внимательно посмотрел на меня так, словно только что увидел. Снова заглянул в мой гороскоп, а потом опять на меня.

– У вас все в порядке? – спросил он.

– В общем да, – сказала я.

Он взял линейку и что-то измерил на схеме.

– Точно? – недоверчиво поинтересовался он.

– Да-а! – пропела я. – А что такое?

– Сегодня семнадцатое сентября?

– Семнадцатое.

– Тогда сегодня все и начнется!

– Начнется? – повторила я за ним безнадежно, решив, что Клим, наверно, поджидает меня на работе в смокинге и со свадебными кольцами.

– Да! Вы ведь уже два месяца ходите по краю пропасти. Вам угрожает – ни много, ни мало – смерть. Каким-то чудом вы до сих пор удерживали равновесие, но начиная именно с сегодняшнего дня почва из-под ваших ног будет выбита.

– Но кем?

– Вашими врагами.

Господи, хотелось мне сказать ему, да нет у меня никаких врагов. У меня и друзей-то нет, которые могли бы ими оказаться. Даже родителей нет – совсем никого.

– Помните, – продолжал тем временем Левшинов, – вам ни в коем случае нельзя сейчас делать ни одного опрометчивого шага. Один шаг – и вы погибнете! Смерть ходит рядом. Она заглядывает вам в лицо, и спасти вас может только, – он прикрыл на минуту глаза, – лягушка.

В этот момент зазвонил телефон. Левшинов снял трубку, а я медленно, по стеночке стала выбираться из комнаты по направлению к входной двери.

Возможно, он и великий астролог, но мне все его россказни показались бредом чистой воды. Особенно когда он сказал, что спасет меня лягушка! Хорошо, что не добавил, что я должна буду ее съесть.

3

Вернувшись на работу, я обнаружила у двери двух щенков, нуждавшихся в плановых прививках, и кота, которого хозяйка решила срочно кастрировать. Щенков я быстренько уколола и отпустила, а хозяйку кота отпаивала валерьянкой, потому что, узнав, что хирурга сегодня нет и не будет, она разрыдалась. Сквозь слезы она рассказывала, что срочность требуемой процедуры объясняется тем, что кот совсем потерял совесть по отношению к соседским кошкам, мирно разгуливающим возле подъезда.

– Выхожу сегодня за хлебом, а навстречу моя начальница с молоком. Она для своей Мурочки каждое утро свеженькое покупает. Я ее увидела – ноги подкосились. Зверь она у нас, чистый зверь! А дом заводской, там всем квартиры давали. Никогда бы с ней рядом не поселилась! Я ей: «Добренькое утречко, Татьяна Фикторовна!» Она рот только раскрыла, а тут навстречу ее Мурочка бежит с вытаращенными глазами. А за ней из кустов мой Казанова гонится. Завалил беднягу прямо у скамеечки, и ну ее…

Женщина зарыдала в голос.

– Хоть на работу не приходи! Она же меня убьет! Ну, не убьет, так уволит! – всхлипывала посетительница.

Я заверила ее, что завтра их с котом примут вне всякой очереди, как только она переступит порог нашего заведения.

Когда я закрывала дверь за выплакавшейся хозяйкой распоясавшегося животного, зазвонил телефон.

– Сима, большая радость – сестра моя приехала, – сообщила Вера. – Ждем тебя после работы. Дело есть.

И – гудки. И – все. Как всегда.

А я совсем не хочу к ним идти. Я боюсь, может быть. Ведь мне сказано было чего-то не делать во избежание смерти. Может, мне именно к Верке идти не нужно. Вот приду, а меня бандит какой-нибудь в ее парадной по голове – тюк! Нет, там ведь было сказано, что это враг. А бандит моим врагом быть не может. Мы ведь с ним не знакомы. А Верка? Она на врага очень даже похожа, если приглядеться. Я приеду, а она меня отравит. Тьфу, совсем сбрендила. Если бы Верка захотела, она бы меня уже давным-давно отравила. Значит, я ей живой нужна.

В семь вечера моя служба закончилась, и я отправилась в соседний дом, где жила Вера.

– А вот и Симочка наша пожаловала, – открывая мне дверь, крикнула Верка кому-то, затаившемуся в глубине квартиры.

Как только я справилась с застежками на своих туфлях, она потащила меня на кухню – единственное жилое помещение в доме. На высокой табуретке сидела молодая девица и смотрела на меня как солдат на вошь.

– А это мой Светик, знакомься, – подтолкнула меня Вера к девушке.

Я немного опешила. Верка, надо сказать, была маленькой блондинкой. Разумеется, крашеной и всегда – на самых высоченных каблуках. Ее никогда нельзя было назвать худенькой, хотя она всю свою сознательную жизнь просидела на диете. Она не выглядела полной, но, казалось, в любой момент готова была расплыться в пышненькую булочку, как дрожжевое тесто. Но ее сестра – интересно, какая у них степень родства? – оказалась длинной высушенной девицей со свисающими черными волосами и орлиным носом. Возможно, конечно, Верка уродилась в маму, а сестра в папу. Или наоборот. Но между ними совершенно точно не было ничего общего.

– Симуля, – Верка подсластила свой голос до концентрации сиропа, – милок, у нас к тебе дело.

– Да? – я честно изобразила повышенное внимание.

– Вот приехала моя девочка, моя маленькая любимая сестренка. А ночевать, сама понимаешь, у меня негде, места, сама понимаешь, совсем нет.

Она имела в виду четыре комнаты своей музейной квартиры.

– Я ради радости такой предложила Светику кушетку времен Екатерины Второй, но она музейный работник и категорически отказалась даже близко подходить к такой ценной вещи. Говорит, это для потомков нужно сохранить в целости и сохранности. Посоветовала, кстати, сверху накрыть полиэтиленом, чтобы не портилась. Поэтому, Симуля, я тебя очень прошу, приюти мою сестренку в своих просторных хоромах. Ненадолго, всего на месяцок-другой.

Я с облегчением вздохнула. Обычно Веркины просьбы были более замысловатыми и трудноисполнимыми.

– Конечно…

– Вот и чудненько, вот и ладненько. Собирайся, Светик, тебе еще дотемна устроиться там нужно, вещи разложить. Может, что переставить придется.

Чая мне не предлагали, но, значит, и травить меня Вера пока не собиралась. А это уже хорошо.

Через несколько минут я тащила два тяжелых чемодана долговязой Светланы, а она шла рядом с сумками и пакетами, поминутно роняя что-то, останавливаясь, сгребая в охапку и снова роняя.

– Нужно взять такси, – заявила она мне, когда мы прошли так два квартала по направлению к метро.

– Я живу далеко, это дорого.

– Ерунда, – заявила Света, сбросила сумки на асфальт и замахала мчащимся машинам.

Одна из них лениво подкатила к нам. Светлана согнулась пополам, свесила свои волосы в дверцу и быстро договорилась с водителем. Сидя в машине, я радостно рассматривала людей, томящихся на остановках в ожидании переполненных автобусов, и радовалась новому знакомству. Я никогда не останавливаю машины. Во-первых, потому, что мне это не по средствам. Во-вторых, когда я

однажды пыталась «поймать» машину, то простояла с поднятой рукой часа полтора, а потом еще минут двадцать не могла сойтись с водителем в цене. А вот у Светланы сразу получилось. Водитель, даже глазом не моргнув, везет нас на другой конец города, словно ему по пути.

– Приехали, – сказал водитель.

– Приехали! – повторила нетерпеливо Света, и оба они уставились на меня.

Я переводила взгляд с водителя на Светлану и никак не могла понять, чего же они от меня хотят.

– У тебя денег с собой нет? – догадалась Света. – Так сбегай домой, а я пока вещи буду выгружать.

– Сколько? – с ужасом спросила я.

– Сто, – пожала плечами Света, совершенно не имея представления о моей зарплате.

Лишившись дара речи, я им на всякий случай кивнула и поплелась к подъезду.

Расплатившись с таксистом, я распрощалась не только с половиной своих денежных запасов, но и с симпатией к своей гостье. Что-то в ее облике казалось мне теперь хищным: острый нос, свисающие на грудь темные волосы, маленькие глазки с длинными, до хруста накрашенными ресницами. Если так пойдет и дальше…

Светлана вошла в квартиру первой и, не разуваясь, повалилась на мою тахту.

– Боже, какое мучение! – выдохнула она и закрыла глаза.

Я постояла некоторое время возле нее и, поскольку она не шевелилась, отправилась заносить ее чемоданы и многочисленные сумки, оставшиеся за порогом. В этот момент мне стало ясно, что подлинное мучение – прожить с ней бок о бок два месяца – еще впереди. Но делать было нечего, поэтому я старалась оставаться вежливой и гостеприимной хозяйкой.

На часах было без двадцати девять и мне пришлось пробежаться в самый дальний магазин из тех, что я обычно посещаю, – он один еще не закрылся. Набрав провизии, я шла домой не торопясь, без всякого удовольствия. Так нельзя. В любом, самом дурном событии есть что-нибудь положительное, нужно только его отыскать. Вот, к примеру, Света теперь со мной жить собирается. С первого взгляда может показаться, что это не очень приятно. Но если задуматься… Я задумалась. Потом глубоко задумалась. Потом призвала на помощь всех святых и угодников, и тут меня осенило. Ведь если у меня два месяца будет жить Света, я могу под этим предлогом избегать встреч с Климом! Скажу, что она ко мне в гости приехала, что мне нужно ее развлекать. Сегодня в Эрмитаж, завтра на колоннаду Исаакиевского собора, послезавтра в кунсткамеру… Так и скажу: ты, мол, Клим, прости, – гостья у меня. Требующая внимания. Может, повезет, и он за это время найдет себе другую тетеньку, которая умрет от счастья, драя его паркет, выглядывая по субботам из окна его «ауди», штопая его зеленые носки в крапинку.

Тут мечты мои оборвались. Я вышла из лифта и нос к носу столкнулась с Климом. То есть носом я чуть не уперлась в его спину. Первым моим побуждением было нырнуть снова в лифт и скрыться. Но Клим быстро обернулся и, прищурившись, изрек:

– Сдается мне, ты не одна!

Это он тонко заметил, потому что дверь уже открывали с той стороны.

– Кто это у тебя? – спросил Клим.

– Знакомьтесь, это Светлана, – жестикулировать было очень неудобно из-за двух тяжелых сумок. – Сестра Веры. Она приехала на два месяца посмотреть город…

Света сделала ему реверанс, а Клим поклонился ей.

– Вот и замечательно, – резюмировал он. – Начнем с ночного клуба.

– Что ты, что ты, – снова замахала я руками, позабыв, что держу сумки с провизией, – она очень устала.

– Ну нет, – подала голос Света, – такого я никогда не пропущу.

– Вот и чудесно. Переодевайтесь, девочки, я жду вас в машине.

Переодеваясь, я все еще пыталась увидеть что-нибудь хорошее в том, что происходит. И мне показалось даже, что я нашла. А вдруг Климу Светлана понравится и он оставит меня наконец в покое? Я ухватилась за эту идею… Светлана стояла в соседней комнате, готовая к выходу, сверкая золотым платьем до пят с колоссальным разрезом. Сверху оно держалось на тонюсеньких тесемочках, а спина была голая.

– Я готова.

– Я тоже.

Света оглядела меня с ног до головы без всякого участия и двинулась к двери. В машине она уселась на переднее сиденье рядом с Климом, чему я весьма обрадовалась. Говорить было не о чем, поэтому Клим включил радио на всю катушку, и мы выкупались в рекламных увещеваниях непременно посетить Максидом, чтобы приобрести там пару-тройку дрелей.

За столиком же Клим оживился и, пока Света отбивалась от вьющегося вокруг нее стриптизера, жаловался ей на меня.

– Вот ты, Светлана, женщина умная…

Я никак не могла понять: из чего он сделал такой вывод? Я-то знала уже, что прокатиться за чужой счет Светочка не дура, но Клим-то откуда знает?

– …вот и ответь: мужчина я надежный?

– Безусловно, – отчеканила Светочка.

– Солидный?

– О да!

– А вот Сима все тянет, не решается замуж за меня выйти.

Поперхнувшись коктейлем, я закашлялась и объявила, что мне нужно посетить дамскую комнату.

Скрывшись от их колючих глаз, я стояла возле умывальника и чуть не плакала. И как только эти люди так быстро находят общий язык? Похоже, что они сделаны из одного теста, а я – совсем из другого. Ощущение собственной неполноценности часто не давало мне покоя. Но теперь, когда я вот уже в сотый раз убеждалась, что люди вокруг меня удивительно одинаковые, будто в одном котле сваренные, одним соусом приправленные, мне стало страшновато оставаться одной. Нужно было как-нибудь присоединиться к ним. Но у меня не получалось. Первое же слово, после того как я давала себе страшную, клятву, что стану такой же, как они, так вот, первое самое слово, слетавшее с моих губ, оказывалось невпопад. Я терпеть не могла все, что любят они, зато тайно обожала все, что они презирали. Мне очень хотелось временами рассказать кому-нибудь о том, что думаю, но я понимала, что Вере или Киму это заранее не интересно.

С возрастом одиночество становилось все более непереносимым, я порой ходила на салют, чтобы почувствовать единение с веселой толпой. Но как только отблески последних огоньков гасли в волнах Невы, люди расходились по домам, чтобы рассказывать и рассказывать что-то друг другу, а я плелась домой, чтобы прочесть очередной детектив, листать бесконечно газеты, менять местами книжки на полке. Может быть, Клим – это действительно мое спасение от кромешного одиночества? Пусть он пошлый, пусть похож на рабовладельца, пусть носит отвратительные носки в крапинку. Рожу себе ребеночка и буду с ним разговаривать. А это – так много!

Я совсем было расчувствовалась, но тут вдруг вспомнила как дети появляются на свет, и твердо решила: ни за что! Если бы ему нужно было только полы в пяти комнатах мыть – это одно, а вот то, другое, – ни за что! Я вернулась к столику и сжалась в горошину, приготовившись сопротивляться из последних сил, которых у меня никогда не было.

– Ну наконец-то, – обрадовалась мне Светлана, – невеста вернулась. Я даже разыскивать тебя собралась…

– Ну что? – поднял фужер Клим. – За наше светлое будущее?

– Ура! – сказала Света и тихо добавила мне: – Присоединяйся. Это тебя тоже касается.

Потом Клим водил нас по очереди танцевать, долго рассказывал про свою маму, с которой меня нужно будет познакомить как можно скорее. Светлана давала ему советы, где покупать свадебное платье, какие к нему пойдут туфли, цветы и драгоценности.

– А ты, Света, замужем? – спросила я.

– Пока нет, но есть один человек, – ответила она, поглядывая на Клима, и они вместе расхохотались.

Наверно, она ему об этом рассказывала, пока меня не было.

– Ты, Клим, должен был к невесте с цветами явиться и при свидетелях попросить ее руки.

– Завтра и явлюсь. Свидетельницей будешь?

– Конечно, обожаю быть свидетельницей. Слушайте ребята, я ведь здесь два месяца собираюсь пробыть. Может, еще и на вашей свадьбе погуляю?

– Обязательно! – загудел Клим и приобнял меня. – Мы будем очень рады.

Слушая их, я только крепче сжимала свой фужер и поминутно подносила его к губам, а как только ставила его на стол, Светлана по-мужски подливала мне шампанского.

Когда машина Клима затормозила у моего дома, я первая вынырнула из нее и неуверенной походкой направилась к подъезду. Мне хотелось принять душ и смыть с себя все воспоминания об этом кошмарном вечере.

– Пока-а-а-а! – кричала Светлана, идя за мной следом. – Завтра ждем с цветами, по всей форме.

– Буду непременно! – басил Клим из машины.

Когда мы остались со Светланой одни в лифте, где-то на уровне пятого этажа, я попыталась прояснить ситуацию.

– Я не хочу замуж…

– Да брось ты, – не глядя на меня отмахнулась Света. – Такой парень!

– А я все равно не хочу.

Она посмотрела на меня, обиженно сузив глаза, словно Клим был ее любимым родным братом, но, взяв себя в руки, натянуто улыбнулась и сказала:

– Все невесты так говорят накануне свадьбы.

Похоже, они все сговорились и решили выдать меня замуж любой ценой.

Дома я сразу же отправилась принимать душ, потому что меня слегка покачивало от выпитого и услышанного. А когда вышла, то обнаружила Светлану на моей тахте в бигуди и с телефонной трубкой в руке. Она визгливо обзывала кого-то тупой гусыней. Увидев меня, она швырнула трубку на рычаг, не попрощавшись с собеседником.

– Ужасно устала. Кстати, а ты где собираешься спать? – спросила она, устраиваясь удобнее на моей тахте и натягивая ночную рубашку.

– На кухне.

– Ну, спокойной ночи, – объявила Света и щелкнула выключателем.

В кромешной темноте я пошарила в шкафу, вытащила оттуда комплект спального белья и надувной матрац и отправилась на кухню. Там я села на табуретку и принялась надувать его. Надувая щеки и заполняя воздухом свою будущую лежанку, я слышала только, как бьется мое сердце. Тихо, как мышка. Тук-тук, тук-тук. Хочет стушеваться до уровня тикающего будильника. Только бы

оставили его в покое. Только бы не приставали, не заставляли, не требовали ничего.

Я никогда не могла постоять за себя. Может быть, потому что родители мои умерли слишком рано. И я забыла, что такое надежный тыл, поддержка, любовь. Я была круглой сиротой в этом мире, хотя и не принято говорить так о взрослых самостоятельных женщинах. Может быть, поэтому я и цеплялась за Верку, которую не очень любила. Поэтому и не гнала Клима, которого не любила вовсе. Поэтому буду ворочаться два месяца с боку на бок на надувном матрасе. Ну что поделаешь, если люди совсем не такие, как мне хотелось бы. Не оставаться же одной. Нужно как-то приспосабливаться.

Я заткнула пробкой дырку, постелила себе на полу и улеглась. Приспособиться было трудно. Очень трудно.

4

Проснувшись рано утром, я немного полежала с открытыми глазами, а потом вспомнила вчерашний вечер и подскочила. Нужно что-то делать. Срочно. Я тихонько оделась, убрала свою импровизированную постель и, подкравшись на цыпочках к входной двери, выскочила на лестничную клетку.

Идти мне было абсолютно некуда, поэтому я решила отправиться в Павловск. А что? Там красиво. Буду гулять по парку и дышать свежим воздухом.

Электричка, парк, белочки, поглядывающие на мои пирожки, с помощью которых я пыталась не умереть с голоду. Я бродила по парковым дорожкам, посидела на всех лавочках, а время тянулось и тянулось, как резиновое. А что, если остаться здесь жить? Устроиться на работу, лечить этих белочек. И никто меня никогда не найдет.

Я чувствовала себя Дюймовочкой. Ее тоже все время хотели выдать замуж. А Светлана теперь напоминала мне жабу. «Твой Клим, ква-а-а-а, просто загляденье!» И чего он ко мне привязался? Я старая дева тридцати шести лет отроду. Зеркало никогда не радовало меня, сколько бы я в него ни смотрелась,

пытаясь отыскать в себе нечто, чем можно было бы удержать чужой взгляд. Люди никогда не находили меня привлекательной, мне никто ни разу в жизни не сказал, что я интересный собеседник. Если поблизости находилась хотя бы одна женщина, мужчины всегда разглядывали с преувеличенным интересом именно ее. А когда женщин поблизости не было, в моем присутствии они только скучали и тяжело вздыхали, и взор их убегал все время куда-то в сторону, словно меня не существовало.

День был пасмурный, утро похоже на вечер. Полдень как будто так и не родился из этого утра, а наступивший вечер стал его непосредственным продолжением. И если бы не высокие ели, преисполненные исторической мудрости, не вид, открывающийся с высоты на узенькую полоску реки, где плескалась и ныряла утка, набирая скорость, как реактивный самолет, волоча лапы по воде, но так и не взлетая, этот день моей жизни не состоялся бы вовсе.

Пора возвращаться. Делать нечего, они победили. Вероятно, следует выйти замуж за сына болотной жабы, потому что дальше будет еще хуже. Дальше будут жук и крот, а до встречи с эльфом из волшебной страны я так и не доживу. Но спешить на встречу со своим будущим «счастьем» мне все-таки не хотелось. Я все шла и шла по парковой дорожке и ни о чем не думала. Вдруг прямо мне под ноги прыгнул маленький лягушонок. Я вздрогнула от неожиданности и отбежала в сторону, борясь с отвращением. Лягушонок поскакал в высокую траву, смешно разбрасывая лапки.

«Вас спасет лягушка», – вспомнила я, и в долю секунды передо мной снова прокрутились события первой половины вчерашнего дня. «Вам нельзя принимать опрометчивого решения». Боже, а я ведь совсем было замуж собралась! А лягушка должна меня спасти. Позабыв о том, что предсказание показалось мне бредом, я сиганула в зеленую траву и принялась разыскивать своего спасителя. «Кис-кис-кис, – звала я. – Ква-ква, ты где?» Это, конечно, было безумием, но и последней моей надеждой. Поэтому я прыгала в зеленой траве до тех пор, пока не заметила, что на парковой дорожке уже собралось несколько человек, с интересом наблюдавших за моими действиями.

Электричка, которая везла меня в город, мчалась непростительно быстро. Машинист постепенно становился моим злейшим врагом, потому что сокращал время остановок и явно куда-то торопился, в отличие от меня. Метро тоже работало в ускоренном темпе, автобус подошел к остановке одновременно со мной. Мне этот транспортный заговор не понравился, я заартачилась

и не села в автобус, а, потирая руки, приготовилась битый час поджидать другой. Однако следующий подошел сразу же, как только предыдущий отчалил от остановки. Пришлось смириться и занять место у окна. Проезжая мимо своего дома, я заметила у подъезда машину Клима, и мои последние надежды превратились в пыль. Я вышла, но решила не торопиться. Остановившись за квартал до своего дома, я осторожно выглянула из-за угла и прищурилась, как будто так меня могли не узнать, если что. Машина стояла на прежнем месте. Ну разумеется. Она ведь не была галлюцинацией или бредом. Бредом были все мои надежды на спасение.

На минуту мне показалось, что мне снова десять лет и я с удовольствием играю с мальчишками в казаки-разбойники. Сейчас может появиться неприятель. Войдя в роль, я резко обернулась, и в ту же секунду за противоположный угол дома нырнул человек, который, как подсказывало мне мое заквашенное на казаках-разбойниках воображение, следил за мной.

Но этого не может быть! Зачем кому-то за мной следить? Ну какому нормальному человеку, скажите на милость, придет такое в голову? «А если он ненормальный?» – совсем испугалась я. Вот и в гороскопе было сказано, что у меня есть враги. Может быть, именно они за мной и следят. Ну все, приехали! Совсем спятила на старости лет. Нет, пора сдаваться Климу. Может быть, у меня на почве полного полового бездействия крыша едет. Так хотя бы ради собственного здоровья нужно замуж выйти. И я поплелась к своему дому.

Навстречу мне шел огромных размеров красавец-дог. Ему было восемь с половиной лет, и звали его Чарли. Хозяйкой его была маленькая женщина, чуть выше самого дога, лет пятидесяти – Инна Владимировна. Она знала, что я работаю в ветеринарной клинике, и иногда консультировалась со мной по поводу всевозможных старческих недомоганий своего пса. Инна Владимировна каждый день после прогулки проводила часок на скамеечке с соседками, причем Чарли сидел у нее на коленях. Соседки-пенсионерки смеялись: «Ну хоть от одного старичка спиртным не пахнет!»

Сегодня Инна Владимировна старательно прятала лицо, а когда я поздоровалась с ней, взглянула на меня мельком и кивнула. Лицо у нее было красным и распухшим от слез. Я прошла еще два шага по тротуару, а потом не выдержала и побежала назад.

– Что случилось? – спросила я без всяких приготовлений и извинений.

Мне вдруг показалось, что, если бы моя мама была жива, шла бы вот так по улице и плакала, а кто-нибудь прошел бы мимо, я бы, наверно, умерла. У меня было врожденное чувство долга перед всеми стариками, детьми и собаками.

– Мама заболела, – всхлипнула Инна Владимировна. – Нужно делать операцию.

– Сейчас медицина на высоте, сделают хорошо, – пообещала я от имени всей медицины.

– А питание? Чем они ее там кормить будут после операции, скажите на милость?

Сказать было нечего.

– Ну, можно домашнее носить, – предположила я. – Бульончики там всякие…

– Мама в Челябинске, – обреченно сказала Инна Владимировна.

– Денег на билет не хватает?

– Хватает.

– Тогда в чем дело?

– Чарли в самолет не берут.

– Так оставьте его здесь с кем-нибудь.

– С кем?

Я замялась.

– Я бы его к себе взяла…

– Да вы что? Он же тогда решит, что я его отдала! Есть ничего не будет, пить.

– …да у меня сейчас гости, – автоматически закончила я фразу.

В глазах Инны Владимировны блеснул огонек надежды.

– Много гостей?

– Много, – сказала я, выглядывая из-за ее плеча на машину Клима.

– Так тесно же!

– Тесно.

– Неудобно.

– Очень!

– Может быть, вы пока у меня поживете? – умоляюще заглянула мне в глаза женщина. – Дней десять, ну в крайнем случае – пятнадцать.

– Как это?

– Очень даже просто, – стала объяснять она. – Я вам ключи оставлю, продукты, чтобы кашки ему варить. Вы у меня в квартире поживете пока.

– Но у меня на работе дежурства по двенадцать часов, я не смогу с ним гулять.

– Да ему прогулки эти только для променада нужны. Он с младенчества привык туалетом пользоваться. Да и спокойней ему будет дома. все-таки – родные стены. А я ему все объясню. Он поймет. Он все понимает! Правда, родной? – спросила она и поцеловала пса в морду.

Дог кивнул, а я поинтересовалась:

– А вы не боитесь вот так, постороннего человека в свой дом?

– Вы не посторонняя, вы собак любите. Ну как? Договорились?

– А когда вы едете? – спросила я.

– Послезавтра. Приходите утром, сможете?

Я стала вспоминать свой рабочий график, этот день оказался у меня свободным.

– Смогу.

– Вот и замечательно. Я вам все покажу. А может, сейчас зайдете? – она снова просительно заглядывала мне в глаза, а я все поглядывала через ее плечо на машину Клима, по- прежнему стоявшую у моего подъезда. – На минуточку только? А?

– Конечно, – искренне обрадовалась я, стараясь оттянуть свою встречу с «любимым».

Мы повернули и отправились к ней домой. Чарли принес мне тапочки и вообще вел себя очень галантно, помахивая длинным хвостом. Инна Владимировна показала мне, где у нее находится склад круп для ее «мальчика», пять килограммов печенки, витамины и растительное масло («по ложке в день – обязательно!»). Потом я под диктовку записывала рецепты блюд, которые мне предстояло готовить черному великану в пятилитровой кастрюльке. Морковочку хозяйка рекомендовала измельчать на комбайне, а капустные листья давать целыми. Яблоки я должна была обязательно очищать от кожуры, а огурчики не очищать ни под каким видом. («А то есть не будет!») Когда Инна Владимировна закончила, оказалось, что я под диктовку исписала целую школьную тетрадку. Она долго разглядывала ее, а потом оценив, вероятно, мой серьезный подход к проблеме, предложила мне чаю с ореховым печеньем, которое испекла накануне. После получасового чаепития в моей тетрадке появился еще и рецепт этого печенья, занявший последние две с половиной страницы. Тетрадку я, по требованию Инны Владимировны, оставила у нее на кухне, чтобы послезавтра сразу приступить к делу.

Мы распрощались, и я отправилась домой, сдаваться.

У подъезда машины Клима не было. С сердца свалился тяжеленный камень, и оно тут же взмыло куда-то в поднебесье, громко хлопая крыльями. Открыв дверь своим ключом, с улыбкой во весь рот, я предстала перед Светланой. На столе стоял букет из десяти гвоздик, пустая бутылка из-под шампанского и два фужера. Света смотрела на меня с ненавистью.

– Тебе не кажется, что это настоящее свинство?

Я пожала плечами. Должно быть, Клим ей тоже не очень понравился, иначе она вряд ли пришла бы в негодование от того, что была вынуждена провести с ним наедине целый день. Поэтому я всем своим видом выразила сочувствие. Ожидая основательного пропесочивания, я вжала голову в плечи, как черепаха, и приготовилась выслушать все, что мне причитается. Но произошло нечто удивительное. Света не стала меня распекать, а устало пожелала выпить чашечку чаю и сама пошла на кухню ставить чайник.

Сидя за столом, она завела разговор о политике, о новых экономических отношениях, о на- логовой инспекции и еще о чем-то совершенно мне не понятном.

– Заходил сегодня один тип. Спрашивал, кто я, да что я, есть ли у меня право здесь жить. Документы просил показать.

– Сюда? – я никак не могла взять в толк, о чем она говорит. – Ко мне домой?

– К нам домой! – подчеркнула Света. – Наверно, кто-то из соседей накапал в налоговую, что ты квартиру сдаешь. Вот они тебя и выследили.

Я тут же вспомнила человека, скрывшегося за углом, того самого моего непрошеного партнера по казакам-разбойникам, и замерла.

– Что делать будем? – спросила Света так, словно сделать было уже ничего нельзя.

– А что обычно делают в таких случаях?

– В таких случаях, – заговорила Света тоном опытного юриста, – заключают договор об аренде квартиры.

– О чем?

– Ну, о том, что ты мне квартиру сдала, понимаешь? Ну – как будто сдала. Тогда получается, что я имею право здесь находиться.

Я только хлопала глазами, будучи неосведомленной обо всех этих экономических новшествах и законах.

– Хорошо, объясняю. Садись, пиши. Я, Серафима Верещачина, получила от Светланы Ивановой двести долларов за два месяца проживания в моей квартире. Написала? Внизу дата и подпись.

Я поставила подпись, Светлана выхватила у меня листок, пробежала его глазами и радостно вздохнула.

– Вот и чудненько! Спокойной ночи.

5

И действительно, ночь прошла удивительно спокойно. Мне снилось что-то, в чем сквозило зыбкое, едва уловимое чувство счастья. Я не видела во сне людей, только временами откуда- то выплывала морда Чарли со старательно высунутым языком. А вокруг все плавало в сиреневом мареве, на самом дне которого варилось снадобье счастливой жизни. Такие сны мне еще никогда не снились. Разве что когда-то в детстве.

Проснулась я окрыленной и, радостно насвистывая, стала собираться на работу. Сегодня, благодаря своей службе, я спасена от разборок с Климом, и это только прибавляло масла в огонь, гревший котел с дымящимся снадобьем. День прошел замечательно. Мурзики и Васьки, Лоты и Рексы уходили от нас повеселевшими и просветленными. Вечером я ехала домой и с замиранием сердца высматривала знакомую машину у подъезда. Машины не было.

Повернув ключ в замке, я открыла дверь и столкнулась со Светланой. Она как-то неуловимо изменилась за то время, что мы не виделись, и смотрела на меня теперь неузнающим взглядом. Я попыталась войти, но Света решительно преградила мне дорогу:

– Куда?

– Как куда? Домой, – не поняла я.

– Извините, – сказала она тоном, в котором от извинений не было и следа.

Света выступила вперед и вытянула из двери ключ, который я от неожиданности оставила торчать в замочной скважине.

– Ты, дорогая, сдала мне квартиру. Поэтому квартира на ближайшие два месяца моя.

Ее слова никак не укладывались в моей голове, поэтому я спросила:

– А я как же?

– Не знаю, дорогая. Думай, – сказала Света, захлопывая дверь перед самым моим носом. – У тебя, между прочим, жених в семикомнатной квартире живет, – добавила она из-за двери.

– В шестикомнатной, – поправила я машинально.

Постояв еще минут десять на лестничной клетке, чтобы в голове прояснилось, я нажала кнопку звонка.

– Кто там? – вежливо спросила Света через минуту.

– Открой, – сказала я самым требовательным тоном, на какой была способна. – Я… я милицию вызову.

– А я им расписку покажу. Так что, привет Климу.

Ну и дела. Я спустилась вниз по лестнице. В голове у меня кружили обрывки мыслей, не в состоянии выстроиться во что-нибудь целое. Первое, что я увидела, выйдя на улицу, был телефон, висящий под козырьком на стене соседнего дома. Я знала, что это был не обыкновенный телефон, а особенный. что-то в нем испортилось, и звонить по нему теперь можно было без жетона.

Набрав номер Верки, я еще надеялась, что все утрясется. Что Верка перезвонит своей ненормальной сестре, и та впустит меня домой. Но на том конце провода трубку брать не торопились. Утопив свои надежды на недоразумение в длинных гудках, я решила поехать к Вере домой. А что, собственно, мне еще оставалось? Еще мне оставалось ехать к Климу и проситься переночевать в его хоромах. Но из этого вытекали такие последствия, что мне об этом даже думать не хотелось.

В девять вечера, поднявшись к Вере, я долго не снимала пальца с клавиши звонка, который не звенел, а распевал во все горло в квартире «Тихо вокруг, только не спит барсук». Верка, очевидно, тоже не спала, а попросту отсутствовала. Вместе с мужем и дочкой.

Я вышла на улицу и поплелась по тротуару. Сзади, в десяти шагах от меня раздался какой-то звон, и я обернулась в надежде увидеть Верку. Но это был какой-то мужчина, уронивший ключи, рассыпавшиеся по асфальту. Он подбирал их и старательно прятал от меня лицо. Но вот, ползая по тротуару, он попал под тусклый свет уличного фонаря, и у меня внутри все похолодело. Я его уже видела. Это был тот самый тип, из казаков-разбойников.

Я ускорила шаги. Вот это номер! В прошлый раз я встречала его возле своего дома, а теперь – здесь, на другом конце города. Совпадение? Но почему он каждый раз оказывается за моей спиной? Неужели он действительно за мной следит?

Я уже почти бежала. Мой путь пролегал неподалеку от клиники, и тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я позвонила, и мне открыла Ольга, дежурившая сегодня в ночную смену.

– Ключи забыла? – удивилась она.

– Потеряла, – сказала я упавшим голосом, запирая за собой дверь и прислушиваясь к сопению, раздающемуся с улицы. – Давай я вместо тебя подежурю?

– Хорошо бы, – сказала Ольга, – но ты ведь знаешь, я вряд ли потом смогу тебя подменить.

– И не надо. Ты мне даже одолжение сделаешь. Мне ведь ночевать негде. А утром приходи пораньше, поменяемся, все решат, что это ты ночью дежурила.

Ольга посмотрела на меня с благодарностью, чмокнула в щеку и упорхнула.

Я закрыла дверь на все замки и на цепочку с сигнализацией. Даже если я и не усну в эту ночь, по крайней мере не придется бродить по улицам или ночевать на вокзале. Несколько раз покрутив телефонный диск, я убедилась, что Верка сегодня дома ночевать не собирается. Потом я набрала свой собственный номер. Линия была занята. Кому же Светочка все время звонит, если ее сестры нет дома? Наверное, она знает, где Верка. Ладно, подожду. Завтра утром Верка должна выйти на работу. Я ее дождусь, обязательно дождусь. Ах, черт… Совсем забыла. Меня ведь завтра утром ждет Инна Владимировна. Значит, мне будет где ночевать. «Ладно, – решила я, засыпая в кресле, – оттуда и позвоню Верке на работу».

6

Когда утром я приехала к Инне Владимировне, чемоданы стояли у порога, а она объясняла Чарли сложившуюся ситуацию и поминутно целовала его в морду, отчего пес удивленно крутил головой, не совсем понимая, отчего на него обрушился такой поток незаслуженных ласк. Потом она отдала мне ключи, показала, где лежат ошейники и поводки, мисочки и громадные миски, записала свой номер телефона в Челябинске и приказала звонить по любому поводу, даже если мне покажется, что у Чарлика немножечко изменилось настроение. Я обещала рапортовать тут же, и она, глотая слезы, ушла, хлопнув на прощание дверью.

Мы с Чарли посмотрели друг на друга, и, вероятно, только теперь до него дошло то, о чем ему все утро толковала хозяйка. Он подошел к входной двери, сунул нос к щели, попыхтел так немного, а потом лег мордой к двери и замер.

Я тоже замерла на диване, решив поразмыслить о положении, в котором оказалась.

Во-первых, возможно, я не так воспринимаю действительность. Нужно проверить. И я набрала номер своего телефона.

– Алло! – голос Светы был крайне напряженным.

– Света, я только хотела узнать, не изменилось ли что-нибудь со вчерашнего дня?

– Где ты? – зло прошипела она.

– Какая разница?

– Почему ты не поехала к Климу?

– Потому что нашла другое место.

– Где ты? – снова упрямо повторила она свой вопрос, словно он не давал ей покоя.

– Сняла комнату, – соврала я. – На десять дней.

– Где?

– А что?

– Поговорить нужно. Клим тебя разыскивает.

– Давай поговорим.

– Где ты прячешься? – заорала она.

– Я не прячусь, если мне не изменяет память, ты меня вчера домой не пустила.

– Ты должна была поехать к Климу и объясниться с ним. Позвони ему немедленно. Неужели ты последние деньги потратила на комнату? А жить на что собираешься?

– Я, слава Богу, не безработная…

Как только я закончила фразу, в трубке раздались гудки. Я попыталась дозвониться еще раз, но линия теперь была занята. Ничего не понимаю! Тогда я позвонила Верке домой. Пусть сама разговаривает со своей сумасшедшей сестренкой. К телефону никто не подошел. Может быть, она на работе? Я позвонила туда. Трубку сняла Ольга:

– Ветеринарная служба.

– Ольга, это я. А где Вера?

– Вера в отпуск укатила со всем семейством.

– Как это?

– А вот так. Сказала начальнику, что путевки горящие по дешевке достала. Что другого такого случая не будет. А потом еще поворковала с ним в кабинете – он и отпустил. Представляешь, я собираюсь смену сдавать, а он мне: останься еще в день, у нас кадровые проблемы. Пришлось остаться.

Значит, Верка укатила на месяц, не меньше, и некому справиться с ее взбалмошной сестренкой. Хотя, может быть, действительно стоит позвонить Климу? Попросить помощи у него? Все дороги ведут к Климу! Вот это здорово. Чем больше я об этом думала, тем старательнее выбирала непроторенные тропинки, рискуя оказаться где-нибудь в буреломе.

А впрочем, что это я развоевалась? Я, которая всю свою жизнь была у кого-то на поводу. Я, которая всегда соглашалась, не дослушав до конца то, о чем мне

говорили. Какая разница, о чем. Мне ведь все равно нечем было крыть, я не умела отбиваться, ставить людей на место. Я и понятия не имела, какое же место они должны занимать. И какое место должна занимать я? Когда в школьном буфете мои одноклассницы покупали томатный сок, я тоже пила его, хотя всегда любила яблочный. А яблочный сок стоял тут же, на прилавке, стоил те же десять копеек, но мне не хватало мужества сделать самостоятельный выбор.

Все, что я делала в жизни, вызывало у меня если не отвращение, то скуку. Правда, работа мне нравилась. Даже, если честно, очень нравилась. Но кто, скажите, отнесется серьезно к женщине, которой безумно нравится бинтовать собачкам лапки?

Я очнулась от своих мыслей, заметив, что Чарли давно уже отошел от двери и сидит теперь напротив, словно спрашивая: «Ну, что будем делать?» Я поплелась на кухню, шаркая не по размеру большими тапочками Инны Владимировны. На стене висело расписание, где значилось, что с минуты на минуту пса следует накормить, а затем вывести на улицу для десятиминутной прогулки. Пришлось подключать дополнительные резервы энергии и заниматься суетой с кастрюлей, поводком и тремя дверными замками.

Когда мы вернулись с прогулки, я решила, что проведу свой свободный день лежа на диване, пусть даже на чужом диване, который так неожиданно стал моим временным пристанищем. Я бы все свое свободное время проводила именно так, если бы не Клим и не Верка. Только благодаря им я еще не теряю человеческого облика. Но большой радости я от этого не испытывала. Жизнь казалась мне невыносимо скучной и беспросветно предсказуемой. Правда, такого поворота, как конфискация собственной квартиры, я не ожидала. Теперь у меня постепенно формировался комплекс бездомного человека. Этакого бомжа на время. Мне было немножко страшно, я чуть-чуть начала впадать в панику, но в голове, сохранившей еще остатки здравого смысла, назойливо жужжала мысль о том, что так не бывает. Светлана приехала сюда на два месяца. Значит, когда-нибудь весь этот абсурд закончится. Возможно даже, он закончится чуть раньше, когда вернется из своего санаторного круиза Верка. Только одного я никак не могла понять: как это закончится? Как Света освободит квартиру? Как вернет мне ключи? Как будет при этом смотреть мне в глаза? Я-то точно смотреть ей в глаза не буду. Мне было ужасно стыдно, хотя я прекрасно понимала, что она, в отличие от меня, никаких подобных чувств не испытывает. Выходило, что меня выгнали из собственной квартиры, а мне же еще и стыдно

от этого.

Чтобы отогнать эти отвратительные мысли, я поднялась с дивана и бесцельно побродила по комнате. На окне собиралась зацветать китайская роза. Я отдернула занавеску, чтобы получше ее разглядеть, и несколько секунд действительно любовалась надтреснувшим бутоном, подсчитывая, успеет ли он, пока я пестую Чарли, развернуться всеми своими красными оборочками. Потом взгляд мой бесцельно скользнул по улице, и я буквально подпрыгнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bogatyreva_elena/snogsshibatel-naya-zhenschina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить